

Да ўвагі!

Хто хоча
набыць газету
ў офісе рэдакцыі —
чакаем!

ЗА ПРАХАДНОЙ

На «Нафтане» будзе
новы генеральны
дырэктар

Генеральны дырэктар
наваполацкага
прадпрыемства Уладзімір
Трацякоў адпраўлены ў
адстаўку.

Каментаваць кадравыя змены на заводзе «Народнай Волі» не сталі. Вядома, што Уладзімір Трацякоў быў вызвалены ад займаемай пасады ў чацвер падчас прыезду кіраўніка Адміністрацыі прэзідэнта Наталлі Качанавай.

На жаль, цяперашняму кіраўніцтву завода не ўдаецца аператыўна вырашаць некаторыя пытанні, якія тычацца модернізацыі такога важнага прадпрыемства, як «Нафтан», — сказала высокапастаўленая чыноўніца.

Як раней паведамляла «Народная Воля», эканамічныя цяжкасці на заводзе паўсталі з-за абмежаванняў нафтавых паставак з Расіі. Паведамлялася, што на прадпрыемстве нават магчымы скарачэнні.

Часова выконваць абавязкі генеральнага дырэктара ААТ «Нафтан» будзе Сяргей Алтухоў — намеснік генеральнага дырэктара па вытворчасці.

Раман ВАСІЛЬЕЎ.

3
8 па 12

У беларускай сталіцы ўрачыста адкрылася Мінская міжнародная кніжная выстава-кірмаш, якая будзе дзейнічаць па 12 лютага.

Тры тысячы квадратных метраў — плошча павільёна, дзе размясціўся кніжны кірмаш. На стэндах сотні выданняў — розных па тэматыцы і жанрах — з 31 краіны свету.

ПАДЗЕЯ

ЭКСКЛЮЗИВ

Александр КОСИНЕЦ:

«У меня всё отлично, всё хорошо...»

«А вы слышали, что бывший глава Администрации президента Александр Косинец находится под домашним арестом?» — с таким вопросом позвонил в редакцию «Народной Воли» один из читателей, сославшись на некие «авторитетные источники». Официальных новостей о том, что в отношении Косинца возбуждено уголовное дело, не было. Поэтому мы на всякий случай решили проверить эту информацию.

Напомним, что Александр Косинец был освобожден от должности 5 декабря минувшего года. Одни аналитики называли это кадровое решение предсказуемым, другие — неожиданным. Версий случившегося тоже было немало.

Одни утверждали, что экс-глава Администрации президента Александр Косинец пойдет на повышение, и прочли ему место премьер-министра. Другие оценивали потенциал чиновника скромнее и пересаживали его на должность министра здравоохранения или министра труда.

Третьи вообще строили версии о теории большого заговора и номенклатурном перевороте.

Стоит заметить, что в эшелонах власти к Александру Николаевичу относились по-разному. Александр Лукашенко не раз давал Косинцу весьма лестные характеристики.

«Косинец — далеко не дурак, — говорил глава государства, назначая его главой Администрации президента. — Ученый человек, доктор наук, протопавший эту жизнь от села, знающий эту жизнь как никто. Думаю, для главы администрации это хорошо. Далее ты можешь быть выше, или президентом, или премьер-министром — если у тебя соответствующие качества».

Однако из-за непростого, резковатого характера главу Администрации недолюбливали. Александр Косинец никогда не воевал с друзьями, — объяснял он своим друзьям.

В бытность председателем Витебского облисполкома Косинец запомнился своими,

мягко говоря, нестандартными идеями. Например, предлагал в центре Витебска построить «Диснейленд» (примерная стоимость проекта — около 100 миллионов долларов). Выступая перед депутатами, обещал запретить секс по телефону.

Рассказывают, что незадолго до появления указа об отставке Александр Косинец решил собрать большое совещание в Администрации президента. Назначил его на субботу, пригласил чиновников высочайшего уровня! Когда один из помощников доложил об этом президенту (а вдруг заговор?), совещание было отменено. И сразу после выходных инициативному чиновнику вручили указ об освобождении от должности главы Администрации.

«Народная Воля» разыскала бывшего главу Администрации президента и прямо спросила, на каком он сейчас небе.

Александр Николаевич, как ваши дела? Рассказывают, будто вы под домашним арестом...

— (Громко смеется.)

Александр Косинец
и известный бизнесмен,
владелец табачной фабрики
и сети гипермаркетов
«Корона» Павел Топуздис.
Фото Виктора ГИЛИЦКОГО (kp.by).

Глупости самые натуральные! У меня все отлично, все хорошо. Следите за новостями, читайте прессу, смотрите телевизор, скоро все узнаете...

— Значит, все-таки готовы к новой должности?

— Конечно!

— Просто уже было столько указов, когда большой чиновник отправля-

ется в отставку с формулировкой «в связи с переводом на другую работу», а потом будто растворяется в атмосфере. Один из ярких примеров — бывший генеральный прокурор Олег Жобкево...

— Нет, у меня все нормально.

— А как можете объяснить возникновение таких странных слухов о себе?

— Отвечу вам цитатой из Владимира Высоцкого: «Вот ходят слухи, что не будет больше сплетен, и ходят сплетни, будто слухи запрещают...»

Честно говоря, до меня такие слухи не доходили, поэтому даже не знаю, как и что тут комментировать...

— Позвольте тогда уточнить: с чем была связана ваша отставка?

— Вот когда выйду на работу, тогда вам все расскажу, хорошо?

— Вся правда?

— Конечно! Первое интервью — вам. А всем остальным скажите, чтобы больше ничего такого про меня не сочиняли.

— Александр Николаевич, а вы сами в отставку попросились или?..

— Я же вам сказал: обо всем расскажу в интервью, когда выйду на работу.

— Тогда до встречи. Ну и желаю, чтобы у вас никогда не было проблем с правоохранительными органами.

— Спасибо! У меня и не должно их быть. А все эти сочинения на вольную тему — глупости самые натуральные.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

Косинца ждут в Академии управления при президенте?

Не так давно Александр Лукашенко весьма негативно оценил деятельность Академии управления при президенте и фактически дал команду сменить ректора.

«Если нынешнее руководство Академии управления не понимает, что делать, его нужно немедленно заменить», — эта цитата разлетелась по всем информационным агентствам.

В кулуарах Академии управления ходит упорный слух о том, что новым ректором может стать именно Александр Косинец. Доктор наук, профессор, до прихода в большую политику был ректором Витебского медуниверситета. Одним словом, будет чувствовать себя в этой должности как рыба в воде!

Кстати, ректорами Академии управления почти всегда были доктора наук. Исключение

— лишь нынешний глава Марат Жилинский, он кандидат исторических наук. Жилинский руководит президентским вузом чуть больше трех лет.

Дольше всех ректором Академии управления был доктор экономических наук Анатолий Шрубенко — около 8 лет. Доктор технических наук Анатолий Морозевич возглавлял вуз почти 7 лет. Доктор исторических наук Анатолий Бригадин был ректором Академии управления чуть больше года, доктор технических наук Петр Кухарчик — два года, доктор юридических наук Станислав Князев — четыре.

Марина КОКТЫШ.

На прастор, на шырокі разлог
Выхадзі, мой народ, грамадою...

Якуб КОЛАС

БЛІЦ

Днямі старшыня Цэнтральнай выбарчай камісіі Лідзія Ярмошына заявіла Радзё Свабода, што не выключыць правядзення адначасова з чарговымі мясцовымі выбарамі рэферэндуму аб зменах у Канстытуцыю. Сама Ярмошына лічыць, што з Асноўнага закона павінна быць выдалена норма аб адкліканні дэпутатаў, якая практычна не дзейнічае і праз якую няма магчымасці змяніць мажарытарную выбарчую сістэму на змешаную альбо партыйную. Скасавала б Ярмошына і права на вылучэнне кандыдатаў у дэпутаты працоўнымі калектывамі. Таксама кіраўнік ЦВК выступіла за скасаванне сельскіх і пасялковых Саветаў і выказваецца за тое, каб на мясцовых выбарах абіралі кіраўнікоў мясцовых адміністрацый.

На ваш погляд,
якія пытанні трэба вынесці
на ўсенародны рэферэндум?Анатоль ЛЯБЕДЗЬКА,
старшыня Аб'яднанай
грамадзянскай партыі:

— Сёння праблема не ў тым, якія пытанні трэба выносіць на рэферэндум, а ў тым, што, як бы беларусы ні галасавалі, вынік адзін. Як у паказцы: «Што ні рабі, атрымаецца КПСС».

Можна практыкавацца, хто лепш сфармулюе пытанне, але навошта?..

Юрась ГУБАРЭВІЧ,
старшыня руху «За Свабоду»:

— У свой час рух быў адным з ініцыятараў кампаніі «Народны рэферэндум» і прапаноўваў шэсць пытанняў для агульнага абмеркавання. Цягам двух гадоў мы шчыльна камунікавалі з людзьмі, экспертамі, ладзілі «круглыя сталы» і змаглі ацаніць, якія пытанні для беларусаў сапраўды з'яўляюцца найбольш важнымі.

Вельмі добры водгук атрымала наша прапанова вынесці на рэферэндум пытанне, звязанае з пажыццёвым прэзідэнцтвам, вярнуць у Канстытуцыю ранейшую норму, згодна з якой адна і тая ж асоба не можа займаць пасаду прэзідэнта больш за два тэрміны. Шырокай падтрымкай таксама карысталася пытанне аб падкантрольнасці насельніцтвам мясцовай улады — наўпроставыя выбары кіраўнікоў адміністрацый, а не іх прызначэнне. Дарэчы, пра гэта і Ярмошына казалася. І я, між іншым, пагаджаюся з яе прапановай наконце таго, што трэба змяніць мажарытарную выбарчую сістэму на змешаную альбо прапарцыянальную.

На мой погляд, яшчэ адно пытанне, вартае вынясення на ўсенародны рэферэндум, — гэта адмена смяротнага пакарання.

Георгій АТАМАНАЎ,
сакратар ЦК КПБ па арганізацыйна-
партыйнай і прававой рабоце:

— На мой погляд, наша грамадства саспела для таго, каб былі ўнесены змены ў выбарчую сістэму і мы перайшлі з мажарытарнай на змешаную. Гэта паспрыяе і партыйнаму будаўніцтву ў краіне і ажывіць парламент, у якім з'явіцца фракцыі. Людзі будуць бачыць праграмы і разумець розніцу паміж партыямі, мець большае ўяўленне, за каго яны галасуюць. Пры мажарытарнай сістэме гэта складана.

Лідзія ХМЯЛЕЎСКАЯ,
пенсіянерка:

— Пытанні ўжо можна задаць шмат. Напрыклад, сёння народ вельмі хвалюе, ці трэба нам пададак на дармаедства. Але ж ці будзе ўлада сапраўды з намі раіцца? Правядзенне плебісцыту актуальна ў тых краінах, дзе няма сумневу ў празрыстасці падліку галасоў.

Мікола СТАТКЕВІЧ,
экс-кандыдат у прэзідэнты, старшыня
аркмітэта па стварэнні Беларускай
сацыяльна-дэмакратычнай партыі
(Народная Грамада):

— Рэферэндум варта праводзіць у краінах, дзе ёсць сумленны падлік галасоў, сумленная агітацыя і дзе грамадства мае працяглы вопыт дэмакратыі. У сувязі з тым, што ў сучаснай Беларусі гэтыя фактары адсутнічаюць, то і праводзіць рэферэндум не мае сэнсу.

А што тычыцца пытання, я сфармуляваў бы яго вельмі проста: «Ці падтрымліваеце вы адхіленне Аляксандра Лукашэнкі ад улады?» Упэўнены, што станючы адказ на яго набярэ канстытуцыйную большасць, але ж, вядома, лічыць напішуць іншыя...

Анатоль ШУМЧАНКА,
старшыня савета
РГА «Перспектыва»:

— Пры ўмове, што на рэферэндуме будзе ўлічаны і сумленна падлічаны кожны голас, я вынес бы на народнае абмеркаванне такое пытанне: «Ці згодні вы скасаваць пасаду прэзідэнта і перайсці да парламенцкай рэспублікі?»

Сцяпан ПАЎЛОВІЧ,
тока-наладчык станкоў
з праграмным управленнем:

— Актуальных пытанняў у грамадстве шмат. Вельмі балюча людзі ўспрынялі павелічэнне страхавога стажу, з якога да таго ж выраслі дэкрэты адпачынак, службу ў войску і г.д. Прымушаюць людзей працаваць даўжэй, але пенсія ад гэтага не павялічыцца. Аднак наўрад ці тут трэба раіцца з народам, хутчэй гэта пытанне для эканамістаў.

Што тычыцца ўсенароднага абмеркавання, то, на мой погляд, трэба вярнуцца да таго, з чаго пачыналі ў 1990-я: можа, Беларусь усё ж такі павінна быць парламенцкай рэспублікай, а не прэзідэнцкай. Трэба, каб у краіне рашэнні прымаў не адзін чалавек, які можа памыліцца... Вось такое пытанне, напэўна, можна выносіць на ўсенародны рэферэндум.

Уладзімір МАЦКЕВІЧ,
металол:

— У адсутнасці нармалёвага выбарчага працэсу, адсутнасці свабоды слова, свабоды сходаў і ў гэтым сэнсе свабоды мыслення я лічу любы рэферэндум шкодным. Ніякіх разумных і важных пытанняў у такой сітуацыі на ўсенароднае абмеркаванне выносіць немагчыма. Усё, аб чым трэба запытацца ў людзей, электарату, спаткаў неабходна абмяркоўваць у сродках масавай інфармацыі, на публічных мерапрыемствах. І толькі пасля працяглага і адкрытага абмеркавання раіцца з людзьмі. А так гэта махлярства і маніпуляцыі.

Павел СЕВЯРЫНЕЦ,
сустаршыня аркмітэта па стварэнні
партыі «Беларуская хрысціянская
дэмакратыя»:

— Пры сённяшняй уладзе і ЦВК я ўвогуле не праводзіў бы ніякіх рэферэндумаў. Гэта бессэнсоўна. Усе плебісцыты, якія былі праведзены цяперашнім кіраўніцтвам Беларусі, не прызнаны міжнароднай супольнасцю. Паводле меркавання незалежных назіральнікаў, вынікі іх сфальсіфікаваны.

Калі б галасы лічыліся, першым пытаннем, на мой погляд, павінна быць адстаўка Лукашэнкі і правядзенне свабодных і справядлівых выбараў усіх узроўняў. Гэта самае галоўнае — вярнуць Беларусь у прававое поле, а тады ўжо можна выносіць на ўсенароднае галасаванне пытанне аб смяротным пакаранні і іншыя.

Распытвала
Вольга ГРЫНЯВІЦКАЯ.

СТОП-КАДР

Расійскага блогера Аляксандра Лапшына
экстрадзіравалі ў Баку

Аляксандр Лапшын быў затрыманы ў Мінску яшчэ ў ноч на 15 снежня 2016 года па просьбе азербайджанскага боку. Паколькі ён адначасова з'яўляецца грамадзянінам Ізраіля, Расіі і Украіны, то пытанне аб экстрадыцыі ў Баку высвятлялася як па дыпламатычных каналах, так і праз суд.

Азербайджанскія ўлады абвінавачваюць А.Лапшына ў тым, што ён некалі незаконна перасек мяжу іх краіны, паколькі перад гэтым наведваў гадоду пазбаўлення волі. Але

Карабахскую Рэспубліку. Яму гэта будзе вырашаць ужо суд пагражае пакаранне да васьмі Азербайджана.

Ніна АЎСЕЙЧЫК.

Лилия ЛОМСАДЗЕ

СКВОЗЬ АН

Выходят ли живыми из ада? На этот вопрос зубной техник из Минска Леонид Рубинштейн отвечал коротким «да», а чтобы описать пережитое в подробностях, долго собирался с духом, клал перед собой валидол.

Часто его карие глаза наливались слезами, и тогда он не мог проронить ни слова. Мы откладывали разговор до следующей встречи, и так происходило несколько месяцев.

Пятнадцатилетним он попал в минское гетто, в котором из тридцати его родственников уцелели лишь двое, а потом чудом выжил в концлагерях Будзина, Мюнхен-аллаха, Люблина, Майданека, Радома, Освенцима, Дахау. Он хотел бы все забыть, но кровоточащие раны в сердце никогда не затихивают.

По иронии судьбы в 2010 году именно Германия предоставила Леониду Михайловичу путевку в санаторий недалеко от Люблина, транспорт и переводчика. Первый порыв — отказаться. Но желание увидеть город и пройти той дорогой, по которой его гнали, как раба, в цепях и деревянных колодах, пересилило. Так он попал в кошмар своей жизни еще раз. И в памяти все всплыло ярко, будто это было вчера...

«Культурные» немцы

На день, когда началась война, планировали открытие Комсомольского озера, лодке для которого минчане выкапали вручную. Лена с одноклассниками тоже работала лопатой, возил тачки с землей, поэтому утром радостно побежал на праздник. Наряду собралось много — 4 ликажного оркестра и торжества. Все произносили одно слово: «война». А 24 июня небо над Минском стало черным от самолетов, началась страшная бомбежка. Осколок вошел в ногу, его вытащили, перевязали, и отец сказал: из города надо уходить. Но бабушка Сора-Рива, которая помнила немцев еще с 1918 года, не дала ему договориться: «Я не думаю, что они займут Минск. Помню, как они жили у нас — тихие мирные люди, культурно себя вели. Да и куда побежим?» Старшего в семье послушались, и это была роковая ошибка.

27 июня на Татарские огороды на парашютах спустились немецкие танки, а 28-го фашисты вошли в город как хозяева. На складах и магазинах выставили охрану, мародеров расстреливали. Через три дня все мужчанам от 16 до 45 лет приказали явиться на площадь возле Театра оперы и балета. Так самым поповому изолировали и отправили в обнесенный колючей проволокой лагерь на Сторожковском кладбище.

Не давали ни еды, ни воды. Слабые умирали, трупы не убирали. Затем все перенесли в лагерь в Дрожди, где жажду можно было утопить водой из реки. К евреям отношение «особое» — заставляли плавать и нырять до тех пор, пока человек не скрывался под водой навсета. Тех, кто пытался выбраться на берег, расстреливали.

А 19 июля вышел «Загад на Угарице жидоўска жалюга раёна у Мінску». Уже не надо было искать евреев по всему городу, их собрали в одно место, чтобы методично истреблять. Давалось пять дней для переезда в гетто. Семье Рубинштейн досталась трехкомнатная квартира писателя Янки Магера. Прямо под окнами оккупанты великую провокацию. И вскоре ли в лагерь на улице Широкой. В конце концов, больше, чем сепедек, а бочке. Мужчин вывели во двор и погнали на Товарищскую станцию. Так начались новые злоключения младшего Рубинштейна.

Трое суток везли в скотном вагоне, каждому дали по соленой, жареной селедке и воды — ни грамма. Буби потрескались, язык распух, не поворачивался во рту, в горле сухо, живот прирос к хребту. Те, кто ближе к форточке, напрасно высовывали руки, в надежде, что в них упадет хоть капля сока.

Помешался пай овчарок. Леонид открыл и приказали выходить. Остатки спрятали под землей и увидели, что человек 50 остался неподвижно лежать в вагоне.

Мама Ану угнали на работу, а как только вернулась, устроили погром, который длился четыре дня. Больше ее никто не видел.

Шапка смерти

Зима 1941 года выдалась лютая. На дрова разбирали туалеты, заборы, сипивали деревья. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

Их привезли в Освенцим. И встречали с оркестром. Музыканты — такие же пленные, жужа до кости.

Пленные не знали, что предстоит встреча со специально обученными овчарками. Одна пробежала только на грудь, хватала за руку или шею. После этого еще можно было выжить. Но та, что кусала за гениталии и разрывала их, не оставляла никаких шансов. Человек истекал кровью и умирал на глазах у других. «Лучше бы застрелили, хоть бы не мучились», — подумал Лена. И вдруг услышал внутри себя голос отца: «Нет, выдерж, сынок!» Это показало чудо.

Строительство дороги заканчивалось, пленных построили и объявили, что их ждет новый концлагерь. Все гадали: куда? Только бы не Треблинка, знали, что там не гоним на работы. Две недели ты убираешь трупы и загружаешь ими крематорий, а потом становишься трупом сам.

В Европе гитлеровской

Их привезли во второй по величине концлагерь «Люблин-Майданек». Построили на апелляциях и сказали зайти в барак, снять вещи и положить в ящики, как там подписано: бровки — в один, рубашку — во второй, костюм — в третий, если есть золото, серебро — в четвертый. Лена сразу вспомнила, что в пиджаке ему мама зашила свое обручальное кольцо. «Пригодится, а может, и выручит», — сказала она. Отдавать память о матери он не хотел ни за что. Пока шли к барку, тихонько надорвал подкладку, и когда клал пиджак в ящик, быстро сунил кольцо за щеку. Навивший мальчишка! Офицер, наблюдавший за пленными, немедленно позвал к себе и врезал по лицу, что кольцо выпало вместе с двумя передними зубами.

Подними кольцо и положи в ящик! — приказал офицер.

Что было в этот момент на сердце у человека, у которого оторвали материнский подарок, знал один Бог.

В крематорий — с оркестром

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Пленные его жалели, давали работу полегче. За малейшее нарушение — плетка. Разговариваешь, не так колодки поставил у нар, шапку потерял — уже не жалел. Каждый день они и та же утренняя и вечерняя команда: «Gefangen, stillstehen! Mutzen Up!» — «Заклоченные, смирно! Снять шапку!» Их считали скотом. Балада с бровкой или колыбай. Снастив тот, кто выловил в миске кусочек овсянки. Леонид имел единственную привилегию — евреев не брали в ряды для немецких солдат.

Рубинштейн не знал, что у каждого крупного концлагеря есть филиалы. Не хватает на заводе, в шахте или каменоломне 100 человек — звонят команданту лагеря, он шлет им новых рабов. Вскоре Леонид отправляли в Будзину. Начою в нем горела белая опил, охрана на вышке могла расстрелять любого, просто ради потехи. Но когда включались зеленые прожекторы, это означало, что на территории лагеря есть немецкие офицеры, стрелять нельзя. Охранники — повали, не менее жестокие. С пленными вообще не разговаривали, зато ловко орудовали плетками, в которые влетали проволокой. На удар — и кожу раскололо, как скальпелем. В Будзине строили дороги. Никакой техники. Только руки и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Освобождение

Ремонтировали танки, прибывшие с фронта. Рубинштейн выбрал башками и мыл их — работа каторжная. Одни трудились с утра до вечера, другие — с ночи до утра. Только пришли в барак — скопились, начали опять идти на завод. Во дворе жуткая картина: вся ледяная смена расстреляна. За саботаж. Штыри, которые вгоняли между башмаками, надразняли и замазали густым маслом тавотом (чтобы долгие техники). Танки выхали и лопаты. Делали специальные каналы для стока воды, таскали песок, трамбовали его. Работали по 12 часов, голодные, плохо одетые, но здесь хотя бы давали хлеб. Всего один кусочек, поддерживающий существование.

Потом отправили на каменоломню. Рубинштейн понял, что это конец: махать киркой совсем

не мог, весил 40 килограммов. И тогда те, кто выбивал камни, сказали ему: «Носи. Мы тебе потоньше камни давать будем. Ты же поверни широкую стороной наружу, сам притисни, будто тяжело тебе!» Эта хитрость выручала. Лена благодарил за заботу: по дороге, когда шли в барак мимо поля, умирал к себе и врезал по лицу, что кольцо выпало вместе с двумя передними зубами.

Молодец, Рубинштейн! Свободен. Я рад за тебя. На нас не обижайся — работа такая. Куда поедешь, в Минск?

Нет. Там у меня никого нет. Я с ребятами в Курск — строить завод резинотехнических изделий. Выдали сухой паек и ответили в Курск. Леонид отказался выстрелить в медведя, в 1909 году 26-й президент США вместе с сыном Кермитом отправился в охотничью экспедицию в Африку, проводя там целый год. В экспедиции их сопровождали более 200 носильщиков, а также ученые из Смитсоновского института. Они проехали через всю Африку, застрелив более 11 тысяч животных, в том числе

слонов, носорогов, бегемотов, змей, зебр и обезьян. Туши были отправлены в Америку для научных исследований.

В 1913 году экс-президент и его сын отправились в еще одно экзотическое путешествие. На этот раз они присоединились к экспедиции бразильского первопроходца и государственного деятеля Капиула Родона, который пытался найти источник реки Соменей, которая с тех пор называется рекой Рузвельта.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-то, смена отчества — столько-то. Заплатил — и восстановил справедливость.

Он стал искать свидетелей, которые всю жизнь знали его как Лешу, а его отца — как Мишу. Пришло время оформлять пенсию. В трудовой книжке он Леонид Михайлович, в паспорте — Лазарь Мордухович. Не выдать ему пенсии такой заковыкой.

Судья вынес вердикт: Леонид Михайлович и Лазарь Мордухович — одно и то же лицо. Решение может обжаловаться в течение 10 дней.

Жена сказала: «Ну какая тебе разница после всего пережитого, оставайся Мордуховичем!» А сама, бедная, через несколько дней умерла. Пошел получать копейки на пропавшие, но не дали. Сказали: это не ваша жена. Показывал брачное свидетельство — не работало. В отчаянии подался в загс, а там висит объявление: смена имени стоит столько-

Адрес редакций: 220030, Минск, вул.Энгельса, 34а. Прямая: тэл./факс (017) 328-68-71.
 nvonlineinfo@gmail.com http://www.nv-online.info

Заснавальнік і
 галоўны рэдактар
 Іосіф Паўлавіч
 СЯРЭДЗІЧ

Падпісныя індэксы:

**63222 – для індывідуальных падпісчыкаў,
 63222 – для падпрэміяў і арганізацый.**

Паколькі ў рэдакцыі няма магчымасці рэагавання на адрэзак нывыкарыстаных матэрыялаў, яна пакідае права ўстаўкі ў перапіску за сабой. За інфармацыю, размешчаную ў ролігавых аб'явах, рэдакцыя не адказвае. Могуць друкавацца матэрыялы, у якіх пазіцыя аўтараў не падзяляецца газетай. Паследины аб'яднаў рэгістрацыі ў ролігавым аб'явах скарэаваў інфармацыю №947 ад 6 студзеня 2010 г. выдадзена Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь паследины аб'яднаў рэгістрацыі №1224 ад 6 сакавіка 2000 г. 1. Надрукавана ў друкарні дзяржаўнага падпрэмія «Выдавецтва «Беларусь (дом друку)». ЛП №023330/106 ад 30.04.2004.